

ЗНАКОМСТВО

— Наш самолет приземлился в аэропорту города Симферополя. Температура воздуха плюс девять градусов. Прошу оставаться на своих местах до полной остановки двигателей. Приятного вам отдыха. — Экипаж попрощался с нами, когда наш семьсот тридцать седьмой приземлился в столице Крыма.

Еще утром в Хабаровске я встречал в аэропорту дочь, которая с переломом коленного сустава прилетела из Сочи, а уже днем вместе со своим клиентом улетел транзитным рейсом «Хабаровск — Москва — Симферополь».

Я впервые в Крыму. Гостиница детско-оздоровительного комплекса «Артек». Администратор на ресепшене встретила нас жестко:

— С Украины не селим, сразу говорю, даже и не пытайтесь.

Узнав, что мы из России и что один из нас белорус (им был я), тут же смягчилась и начала без остановки:

— А я была в Хабаровске. Проездом на Камчатку. У меня муж был военным. Холодно там у вас. Я тоже полька. С Украины не селим, потому что для иностранцев нет специальных бланков.

Нас заинтересовало только время года ее посещения Хабаровска.

— В декабре.

Мы понимающе кивнули.

К нашим услугам был предоставлен двухместный люкс с телевизором, который не работал. Отопление тоже не ощущалось. За окном был январь, но плюс девять в аэропорту и плюс одиннадцать в городе нас не испугали.

Мы прилетели возвращать наследство. Владимир, мой клиент, — полноватый мужчина, до сих пор верящий в добро и справедливость, которые обязательно победят, только что отслужил военную службу и вышел на пенсию. Дело не требовало отлагательств: подступали сроки.

Наследством были трехкомнатная квартира в одноэтажном четырехквартирном таунхаусе советских времен и участок в четыре сотки. Правда, оно уже было принято дальними родственниками моего клиента, и еще до того, как он получил возможность попасть в Крым. Ввиду службы в Российской армии подполковником до марта 2014 года такой возможности у него не было. После

исторического референдума — пожалуйста, кто хочет. Тем более что он здесь родился.

Следы вели к нотариусу в городе Джанкой, начинать надо было с него и оттуда.

СПЯЩИЙ ГОРОД

— Сразу вам говорю: нотариус — сволочь. Она что-то скрывает. Я уже был у нее четыре месяца назад.

Характеристика, выданная Владимиром джанкойскому нотариусу, полностью совпала с реальностью: мы ушли от нее, не отхлебнув и сотой доли нужных нам документально-информационных щей. Разоралась так, что у нас рты пораскрывались. Теперь понятно, почему референдум был обречен на победу — на все девяносто семь или сколько там процентов.

— Ну что? В полицию?

— В полицию.

Полиция была в двухстах метрах от нотариуса. По дороге была школа.

— В этой школе я учился, — Владимир показал на старенькое одноэтажное беленое здание, вокруг которого была такая же старая металлическая ограда, выломанная местами.

«Сейчас всплакнет или потом?»

Владимир незаметно вытер рукой уголки глаз, как только мы прошли школу.

Джанкой — невысокий и вялый южный городок, он как будто улегся отдохнуть после долгого пути. Так и заснул. Унылый пейзаж навевал скуку. Скука была разлита везде — по дорогам, тротуарам, домам, палисадникам. На столбах и деревьях. Даже на российских флагах административных зданий. Ни ветерка.

— Как закончим здесь дела, зайдем в грязелечебницу, была такая раньше при районной больнице. Местная грязь здорово суставы лечит. Вылечим колено вашей дочке.

Да уж, грязи тут много! «Кажется, со времен Булгакова, описавшего знаменитую джанкойскую грязь, ничего не изменилось. Грязи как будто даже больше стало, — думаю я про себя и тут же: — Щас засну».

Спать было нельзя, нам предстояло написать в полиции заявление о незаконном отчуждении имущества.

Молодой опер Антон взял у нас заявление, отобрал объяснение у Владимира и пообещал, что затребует документы. Нотариуса он знает, согласен с тем, что о ней думает Владимир.

Владимир любопытствует:

— А каково отношение к вчерашней родине?

Ответ опера категоричен:

— У Крыма два врага — Турция и Украина.

Видно, как он доволен, что Крым наш. «Наш» у опера в первую очередь означает — их.

— Три дня пили, народные гуляния были, как на Девятое мая. Никто в городе не работал.

И то веселье. Все лучше, чем ходить сонными, если не считать нотариуса.

Владимир пытается присоединиться к «нашести» полуострова:

— А как Кирлеут? Все такой же криминогенный?

— Такой же. Ничего не изменилось. Я сам с этой улицы.

Антон смотрит на Владимира и, моргнув, признает своего. Тем самым выражая свое согласие на присоединение. С первых строк объяснения опер уже понял, что Владимир местный, джанкойский.

Вместо обеда была прогулка по городу.

— В пять вечера на работе никого не найдешь. В восемь жизнь затихает, а в двадцать один ноль-ноль все уже спят.

Владимир показал мне знаменитый Северо-Крымский канал. Канал был засохший.

— Его можно наполнить и без херсонской воды. — Владимир рассказал, что где-то есть еще один источник, но его перекрыли до того, как Крым ушел из самостоятельной. — Бесхозяйственность, однако. А может, руки пока не дошли.

Зайдя в районную больницу, при которой и была упомянутая Владимиром грязелечебница с лечебной джанкойской грязью, мы ушли ни с чем. Во-первых, грязелечебница — длинный коридор с бетонными желобками и небольшими комнатками для грязевых процедур, давно захирела и не функционировала. А во-вторых, все переломы лечатся ровно столько, сколько им положено. Процесс регенерации костной ткани не ускоришь ничем. Такую краткую блиц-консультацию терпеливо и вежливо дал нам главврач, к которому мы зашли поинтересоваться наличием этой самой грязи, а может и взять сколько-нибудь с собой. Озаботившись проблемой девчоночьего колена, мы немного отошли от «впечатлений», которые остались у нас после разговора с местной нотариусихой. В должности какого-нибудь охранника, типа трезора-полкана, она была бы на своем месте.

Оставив Джанкой с его теплой южной скукой, мы вернулись в столицу полуострова. Первоначальные действия по возврату наследства нами были сделаны.

ГОРОД НОТАРИУСОВ

Следующий нотариус был в Симферополе. Это единственная точная информация, которую сообщила нам «сволочь» из Джанкоя. Она сказала, что наше наследственное дело у нотариуса в Симферополе. И назвала адрес.

Адрес — это вулиця Н. Крупской, дом пять. И как это не изменили название? Наверно, не успели. Так же, как и «вулицю», для соответствия новому государственному языку.

Пока шли до нужной вулицы, насчитали десять вывесок нотариусов. В этом старинном городе они были на каждом шагу. Архитектура города напоминала смесь архитектуры южно-русских городов с московской. Местами подуставшая, местами обветшавшая. Местами разрушенная.

Дома, на которых красовались вывески нотариусов, были отремонтированы. Через каждые пять с большими буквами вывесок нотариусов скромно жались к стенам мои коллеги — «Адвокаты». И буквы поменьше, и фасады попроще.

— Вот за этим поворотом — кафе и фотоателье, я там фотографировался перед поступлением в училище, — снова заностальгировал Владимир. Он пытался быть гидом по памяти.

За поворотом были магазин «Продукты для Вас», опять «Нотариус», но кафе и фотоателье не было.

Владимира это сильно разочаровало:

— Надо же, как все изменилось.

Наш нотариус оказался десятым по счету на линии нашего маршрута. От нее мы узнали, что база данных не сохранилась и теперь наследство надо принимать по месту его открытия, то есть в Джанкое.

— Я же говорил, что джанкойский нотариус сволочь! — возмущался Владимир, когда мы выходили из дома номер пять.

Я предложил пройти пешком по городу. Красивый город. Не отягощенный небоскребами, Симферополь представлял из себя старичка-интеллигента, стесняющегося просить Христа ради. Нам попало всего несколько красивых, только-только отремонтированных домов, сияющих оттого, что им дали «на хлебушек». Остальные представляли удручающее зрелище — облупленная штукатурка, обвалившиеся фасады, разбитые углы. А безносые кариатиды и однорукие атланты, больше похожие на распятых мучеников, хотя и с трудом, все же умудрялись исполнять свои обязанности. Благодаря их отчаянным усилиям старинные особняки сохраняли вертикальное положение.

Центр, пешеходная зона на московский манер, здание театра. Умилила до глубины души памятка-табличка на углу здания с просьбой не клеить объявления. Свое обращение просящие объясняли тем, что здание отреставрировано на собственные средства работников театра. Объявлений не было.

И среди всего этого архитектурного разнообразия, словно грибы-паразиты, — нотариусы, их вывески напоминали плакаты времен развитого социализма: «При пожаре звонить 01». У нас с Владимиром был пожар и мало времени.

— Держу пари — через двадцать шагов будет нотариус, — предложил мне Владимир, после того как мы насчитали их больше тридцати. Он очень впечатлился, когда вместо фотоателье, зафиксировавшего когда-то давно его последний день на гражданке, обнаружился очередной служитель подлинности и достоверности.

— Боюсь, что ты окажешься прав, — уклонился я от предложенной игры.

Через двадцать шагов нотариуса не было. Я уже было подумал, что лишился выигрыша, но, заглянув в подворотню, которая показалась на двадцать первом шагу, я показал Владимиру огромный баннер, на котором жирными буквами красовалось: «Нотариус».

— Извини, что лишил тебя призовых. Так и быть, сегодня вечером вино за мной.

— Нет, вино мы здесь покупать не будем. Здесь все подделка, — убежденно уверял меня Владимир.

Вера в добро и высшую справедливость у Владимира сочеталась с полным неверием в местное правосудие, прокуроров и подлинность вин, предлагаемых местными магазинами, даже специализированными.

— Только в Массандре, и только на заводе. Там при заводе маленький бутичок имеется и такая же небольшая дегустаторская. Там и купим. Завтра. Здесь в магазинах уже разбавленное. «Береженого бог бережет, — говорила монашка...» — известный анекдот Владимир присовокупил к сказанному, вероятно, для убедительности.

— О'кей, в Массандре так в Массандре. Завтра так завтра, — согласился я. Про монашку было образно. Убеждает. В вопросах качества спиртного я полностью положился на Владимира, местный все-таки.

По пути в гостиницу Владимир вкратце успел рассказать свою историю женитьбы. Я сначала не понял, в связи с чем — вином или монашкой.

— Женился я сразу после училища. У меня много невест было. После училища жениться полагается. Женатому карьеру проще сделать — золотое правило новоиспеченного лейтенанта. Невест много, и у каждой что-нибудь да не так. Как говорила монашка, надевая...

— Я знаю, что и на что надевала монашка, и что она при этом говорила. Если можно, ближе к теме.

— Ну, значит, тщательно выбирал. Осторожный слишком был. Где моя осторожность была, когда с бэтэра неудачно спрыгнул? Повредил колено, тяжелая

операция. Эх, грязь тогда под рукой не было! Сейчас нога почти не гнется. Как дослужил, сам не знаю.

Жду рассказа про женитьбу. Где же связь? Ага, вот она.

— Выбирал, выбирал, довыбирался. Та еще сука попалась. Вечно ей денег мало было. Нищим лейтенантом обзывала. И погуливала. Не ловил, но подозрения были. А три года назад к водопроводчику ушла. Я на службе неделями, кран починить и то некому. Ну, тут специалист и подвернулся. А детей мне оставила. Живет себе в папиной квартире, водопроводчика тоже бросила и алименты не платит. — Взгляд у Владимира злой, скулы напряглись.

— Но бог не фраер, все видит. — Владимира как будто отпускает. Он замолкает.

Опять жду. Весь в ожидании, что же не видит фраер. Осторожно намекаю на продолжение.

— Да что, что. Сахарный диабет, вот что, ноги одной — фьютя и нету. Костыли ей теперь лучшие друзья. Так ее, суку, бог наказал. Говорили же друзья — нельзя на суках жениться, потому как жена-сука укорачивает мужскую жизнь. А она у нас и без того короткая.

Неожиданная концовка. Невеселая. Лучше бы не спрашивал. А Владимира захватило:

— Эх, лучше бы на Наташке женился! И чего я на Наташке не женился? Все осторожничал.

Снова умолкает. Наверно, Наташку вспоминает, чьи же недостатки в итоге круче оказались — ее или жены?

В супермаркете в отделе кулинарии покупаем закуски на ужин. Все та же неспешность и медлительность. Молодая продавщица медленно-медленно отпустила нам салаты, запеканку. Кажется, сейчас она зевнет два раза и на третий упадет под прилавок в глубокий сон.

Просим ее посильнее разогреть запеканку.

Девчонка очень вежливо спрашивает:

— Три минуты будет достаточно?

Глядя на нее, Владимир разродился шуткой:

— По-моему, если овладеть ею сейчас, тут за прилавком, до нее дойдет только на пятом месяце.

Заторможенность во всем. Такая же, как и в Джанкое. Так и хочется крикнуть: проснись, Крым! Ты уже в России, а в России зубами не щелкают! С трудом верится, что в марте 2014-го крымчане все сделали сами. Однако вспоминаю нотариуса из Джанкоя. Да, такие смогут.

— А люди здесь вежливы, приветливы. Но с достоинством, без тошноты, — замечаю я вслух. Нотариуса из Джанкоя я в расчет не беру. Исключение.

Владимир уточняет:

— Благодарные.

Кому и за что? Нам? Так на наших рожах не написано, откуда мы.

Возле гостиницы мы замечаем последнюю за день вывеску — «Услуги нотариуса». Сразу по прибытии мы ее не видели. Было уже темно, а городские фонари остались не у дел по причине подрыва опор электропередач на Херсонщине. Нельзя забывать бывших друзей.

ПАРТЕНИТ, ДЕСЯТЬ КИЛОМЕТРОВ ОТ ЯЛТЫ

С утра у нас с Владимиром было два вопроса — две приготовленные жалобы ввались из портфеля для регистрации и последующего рассмотрения. Одна — в

нотариальную палату. Претензии к нотариусу были слишком объемны, чтобы они обошлись без жалобы. Вторая должна была лечь на стол прокурора. Остальное время было наше.

Еще у Владимира были дела по санаторию. В Партените. На автобусной остановке рекламное объявление — строительство домов в Крыму. В слове «полуостров» приставка «полу-» зачеркнута. Серьезно. Здесь же, возле автостанции, кафе в стиле украинской хаты-усадыбы. На втором этаже, куда мы поднялись выпить по чашке кофе, уже сидели двое крепких парней лет примерно по сорок на каждого. На столе горка хитиновых чешуек: несъедобные остатки международной закуски к пиву. Около каждого мачтами возвышалось по двухлитровому пластику.

Опытным взглядом военный Владимир определяет сразу:

— Служивые? Какой род войск? Откуда, мужики?

После недолгой паузы, приценивая, один из парней отозвался:

— Подводный флот, Мурманск. Поселок Хабаровка.

О! Владимира только зацепи.

— И мы из Хабаровска. Пехота. Только-только погоны снял.

Дальше — больше. За кружкой кофе Владимир умудрился рассказать почти всю свою армейскую жизнь, кроме неудачной женитьбы. До личного-наболевшего не дошло.

Ответивший Владимиру, представившись Дмитрием, медленно потягивал местное «Жигулевское» и, отрывая хвосты ракообразным, сначала сдержанно, потом уже не без гордости рассказал, что и он из местных, из Феодосии. Тоже давно на родине не был, целых семнадцать лет. Служба.

— Служба ни при чем. Потому что Украина, — возразил ему Владимир.

Подводники лениво моргнули в унисон. Пиво с раками расслабляет.

Попрощавшись, мы двинулись в санаторий. Санаторий министерства обороны был великолепен! С террасами, каскадами лужаек и дорожек. Одна из них стрелочками прямо от входа показывала нам нужное направление. Вдоль всего маршрута пальмы и кипарисы. Тоже расслабляет, и даже больше, чем раки и пиво.

Владимир рассчитывал купить путевку, были льготы. Продав больше часа главного врача, он вышел от него удрученный — заявку надо было подавать еще в октябре. А Владимир опоздал, его заявка зарегистрирована в ноябре и уже не имеет силы, потому что все уже распределено.

— Все уже Москва забрала, — передал слова главного Владимир. — И здесь уже лапу наложили. И когда они там, в Москве, уже нахапаются? Придется в другой. У меня друг в севастопольском санатории, военно-морском. Может, посодействует. Правда, тот санаторий поскромнее будет. Террасы поменьше, и кипарисы пониже.

Молчим. Надо отвлечься.

— В Ялту?

— В Ялту.

Десять километров не были нам преградой, чтобы пренебречь возможностью увидеть и познакомиться с русской Ниццей.

ГОРОД В ЛОЖБИНЕ

На автовокзале большая вывеска, наверняка с советских времен: «Ялта — город счастья». С обаятельной улыбкой веселое солнце, вопреки времени года, предлагало нам самим почувствовать вкус и запах ялтинского гостеприимства.

— Осмотрим местные достопримечательности?

— А то!

Мы устремляемся вниз, в город. Ялта, заботливо укрытая с трех сторон склонами гор, привольно расположилась в ложбине. Приветливо обратившись лицом к теплому морю, этот чудесный город с удовольствием подставил себя мягким южным ветрам. Особо продвинутые курортники утверждают, что в Ялте климат исключительно свой, особый и отличается от остального Крыма — он и мягче, и солнечнее, чем даже в Ницце.

По пути профессионально отмечаю нотариусов. Их здесь тоже приличное количество. Заходим в канцтовары — мне нужен блокнот для заметок. Количество блокнотов, причем очень оригинально оформленных, оказывается настолько велико, что сделать выбор с ходу не получается. Внимание привлекает один, с весьма кокетливой надписью на лицевой: «Записная книга моих историй». Будет жаль, когда закончится, но беру именно этот. Теперь без него никуда.

Знаменитая ялтинская набережная.

— Летом здесь людей как селедок в бочке, — комментирует Владимир. — Набережная на два километра тянется. А может, и больше. Не знаю, до конца не ходил.

По набережной мы идем, глаза вокруг. Вдоль нее тянется сплошная анфилада желто-белых двухэтажных домиков с вычурными балкончиками а-ля Россия девятнадцатого века. Я верчу шеей чуть ли не на триста шестьдесят градусов, не в силах оторваться от окружающего меня архитектурного ретро. Между домами небольшие проходы-дворики с лестницами вверх теряются где-то в глубине городских склонов. Пальмы, деревья с низкоопущенными зелеными шапками растут вдоль всей набережной. Прохожих мало. Редкие небольшие яхты стоят на приколе. Не сезон.

Я нащупываю в кармане заблаговременно купленную в Симферополе флеш-карту для фотоаппарата. Без снимков я не уйду. Осталось найти уличного фотографа. Должны быть в курортном городе. Первые сто метров пути — фотограф не обнаружен. Следующая стометровка чуть не повергла в уныние оттого, что не смогу запечатлеться на фоне ярких и колоритных ялтинских особнячков. В них все, как во всех курортных местечках — кафе, бутики, бутики, кафе.

Фотограф, молодой парень с каким-то зверьком на плече, показался метров через пятьсот после начала набережного променада. Как только подошли ближе, тут же предложил:

— Фото с обезьянкой. Десять великолепных фото на память о Ялте всего за тысячу рублей!

Маленькая обезьянка на поводке, кажется маргышка, то и дело перескакивает с одного плеча фотографа на другое и обратно, опираясь передними конечностями о голову ее хозяина, и что-то внимательно и сосредоточенно высматривает по сторонам. Ну да, клиентов хозяину.

— А может, попробуем на мою флешку? Мы приезжие, у нас всего три дня.

— Ну, если не хотите с обезьянкой, можно и без нее. Становитесь вот под этим деревом, — быстро засуетился парень.

Я встал под «это» дерево. Щелк. Встал с другой стороны — со стороны моря. Щелк. И возле живописного домика, в котором было кафе с уютным названием «Ялтинский дворик», встал тоже, как и скомандовал обезьяновладелец. Щелк.

— На этом дереве в войну людей вешали.

Поежил, однако.

— Сколько? — Я имею в виду стоимость фотосессии.

Парень мнется:

— Ну, сколько не жалко.

Робко добавляет:

— Рубль, можно два. Без обезьянки же.

Даю три сотни. Фотограф доволен. Мартышка вроде тоже. Было очень забавно, когда она энергично забежала по плечам хозяина. Надеюсь, что на апельсин сегодня животное себе заработало.

Смеркается. Обратно, в начало набережной, идем в быстро сгущающихся сумерках. Автовокзал. Дорога. Симферополь. На сегодня отбой. И что-то подсказывало, что расставание с этим ласковым городом еще впереди.

СУРОВЫЙ ГОРОД

Вот он, знаменитый город-герой! Набережная Корнилова — торжественная, помпезная, с такой же архитектурой, обращенной к бухте.

Стиль парадный — портики, колонны, балкончики, балюстрады. Лепнина, барельефы на фронтонах и стенах. Своей торжественностью город пригибает. Хочется расстелиться перед ним и одновременно вскинуть голову в гордом упоении его величественностью.

Море серое, сердитое, и ветер с него — невидимый и настойчивый. Легкий, но упрямый, он безжалостно залил мне слезами все лицо. Наверно, так встречал Севастополь своих мужей и сыновей, возвращавшихся из дальних походов. Встречал слезами от ветра и радости после долгой разлуки. И еще сырость, которая давит в глаза, в переносицу. Солнце, поначалу обрадовавшее меня своим теплом, оказалось обманчивым. Пришлось снова надеть шарф, который я снял по приезде.

Небольшой рынок на набережной. Сувенир на память — большой рапан. Гудит. Внимание привлекает открытка с картой полуострова, портретами двух известных государственных деятелей и язвительным слоганом: «Крым сдал» — «Крым принял».

— Предлагаю экскурсию в музей Черноморского флота. — Владимир не оставлял попыток быть мне гидом и показать следующий крымский город.

Вся история — и флота и города — это оборона. Оборонительная тематика везде и во всем — памятники, кресты, кладбище первых защитников. Каменные окопы времен первой обороны вдоль берега бухты. Глядя на эти внушительные сооружения, с трудом понимаешь логику захватчиков, пытавшихся влегкую преодолеть эти бастионы, самонадеянно проигнорировав героизм тех, кто их строил и кто в них оборонялся. Отступать было некуда — за спинами оборонявшихся были их дома и семьи.

Военные историки отдали должное памяти и мужеству тех, кто защищал город, не забыв погибших адмиралов и генералов и многих солдат и матросов.

Музей Черноморского флота, основанный в 1869 году, — двухэтажное здание, и оба этажа посвящены обороне. Они так и называются: «Первая оборона Севастополя» — на первом этаже, «Вторая оборона» — на втором.

Пушки, гаубицы, мортиры, картечь, шрапнель, примитивные гранаты — на первом этаже все, что было в арсенале защищавших город от тогдашней турецко-англо-французской Антанты. Второй этаж наглядно демонстрировал, как изменились средства защиты Севастополя за почти сто лет. Не изменилось только одно — храбрость и стойкость его защитников...

Все та же флешка в кармане, поиск фотографа. Возле памятника Нахимову подходим к нахмуренной тетке с фотоаппаратом. Она предлагает нам другого фотографа, звонит. Через три минуты как из-под земли возникает шустрая молодая женщина и сразу:

— Кому фото, вам? На вашу флешку? Начнем с лестницы.

Я увожу с собой великолепные фото возле винтажной арки, на причале, возле памятника Нахимову, который смотрит в направлении города. Фотографша говорит, что сначала он стоял лицом к бухте, но когда сзади поставили памятник Ленину, то повернули и Нахимова — нежеже отворачиваться от вождя.

— Как вам Севастополь?

— Болят пальцы в суставах, как будто я сжимаю кулаки в нетерпении отразить нападение очередного врага.

На катере мы плывем в санаторий, он на другом берегу города. Скромно, но со вкусом. Кипарисы, пальмы, как и положено санаторию, но в уменьшенном масштабе, если сравнить с Партенитом. Очень скромно.

— Хотелось бы в Партените. Но поскольку там не вышло, попробую здесь. Хочу детей этим летом в Крым свозить, — рассуждает Владимир. — Может, что-то и получится.

Пока мы не выехали из города, слезы и ноющая боль в суставах не покидали меня. Жесткий город, суровый.

Севастополь был освобожден ровно за год до Победы — девятого мая сорок четвертого. Сегодня это День города. Нечего добавить.

ГОРОДОК, СПУСТИВШИЙСЯ К МОРЮ

— А вина мы не купили. В Массандре, — резюмировал Владимир по приезде в гостиницу.

— Ну, так и быть — завтра за вином. И непременно. — Я соглашаюсь без всяких возражений, я с удовольствием готов навестить Ялту еще раз.

Массандра — поселок возле Ялты, почти сразу за городской чертой. Если бы не князь Голицын, основавший здесь винный завод по производству знаменитых портвейнов, кто бы знал о Массандре? Так и остался бы прозябать в неизвестности, накрытый тенью знаменитого курорта.

На этот раз я не отрывался от окна автобуса — мы ехали вдоль самой длинной в мире, сто километров без малого, троллейбусной трассы. Она тянется от Симферополя до Ялты. Во времена оные троллейбусы ходили один за другим и всегда были переполнены. Такому труженику обязательно должны были поставить памятник. Он и стоит — гордо возвышается рядом с трассой. Этаким на славу потрудившийся работяга-стрекозка, озорно приподнявший свои антенны-усики. И хоть сейчас готов впрячься в рабочие лямки. Была бы работа.

В районе Алушты самая высокая точка Крыма — гора Демерджи, на которой явственно выделяется профиль Екатерины Великой. Слыхали о нем. Едем дальше.

После уже знакомого Партенита проезжаем Аю-Даг, больше известную как Медведь-гора. Видели на картинке. И снова автовокзал, и все так же смеется солнце. Все предлагает и предлагает нам курортного счастья. Светило никак не желало признавать, что до курортного сезона еще далеко.

— Предлагаю Алупку, это между Кореизом и Симеизом. Там осмотрим дворец, и через Ялту в Массандру на обратном пути.

Звучные названия так и напрашивались на рифму:

*Кореиз, Симеиз и Алупка —
Города как цветы-незабудки.*

— Где-то здесь снимали «Неуловимых мстителей». Но где точно — не скажу. Не помню. Или в Алупке, или в Мисхоре.

Помогаю вспомнить:

— В Ялте.

И предлагаю Владимиру попробовать себя в роли экскурсовода.

— Я подумаю, — соглашается Владимир. — В Хабаровском комитете молодежной политики и спорта парочка друзей у меня найдется.

На такси мы спускаемся по узкой улочке, петляя, как по глубокому ущелью, между высокими стенами из желтого и серого камня. Их грубоватая кладка выглядит весьма элегантно.

— Приехали, это центр. Дальше рекомендую пешком, тут есть что посмотреть. — Получив свою сотню, таксист ловко развернулся и рванул наверх.

Центр Алупки — это маленький пятачок, развернуться на котором места не хватит если не двум, то трем авто уж точно. Осмотрев пятак окрест, мы собрались продолжить движение дальше вниз, как вдруг увидели стрелку-указатель — «Воронцовский дворец. К началу осмотра». Переглянувшись и, как говорят юристы, — «по молчаливому сговору» мы направились туда.

Из краткого анонса-карты на стене возле касс мы узнаем, что дворец расположен у подножия горы Ай-Петри. Маленький юркий экскурсовод Юсуф, лет примерно тридцати, с удовольствием предложил провести нас по дворцу, как только наберется группа. После того как наша с Владимиром пара превратилась в тройку, Юсуф без перехода затараторил:

— Дворец построен из местного зеленого камня — диабазы, добываемого неподалеку, в английском стиле в сочетании с неомавританским. Построил его граф Воронцов, будучи генерал-губернатором Новороссии, на свои личные деньги. На его постройку ушло двадцать лет и было затрачено свыше двадцати миллионов рублей золотом. Человек он был не бедный, только виноградники под Одессой давали ему дохода в пятьдесят тысяч рублей серебром. В год.

Паренек быстро, но с паузами и интонациями, красочно рассказывает нам свой тысячу раз озвученный и заученный текст.

— Итак, комната, в которой мы сейчас находимся, это флигель охраны. Весь интерьер, полы, стены сохранены с момента постройки. Стены отделаны мореным дубом. Идемте дальше.

Из коридора мы попадаем в большую гостиную-приемную, стены также отделаны мореным дубом. И здесь паркет и потолок сохранены в первозданном виде. Камин, люстры — все оригинальное.

Экскурсовод терпеливо продолжает, несмотря на постоянные вопросы, которыми перебивает его Владимир. Примеривает по моему совету на себя роль экскурсовода? Своими вопросами Владимир опережает:

— А камин работает?

— Камин все действующий, но зажигаются редко.

Из приемной наша тройка, ведомая Юсуфом, проходит в небольшую комнатку с окнами в сад.

— А где тут проживал Черчилль?

— Вот комната, в которой во время Ялтинской конференции располагался кабинет Черчилля.

И как он только тут умещался?

— Китайская комната. Украшения и отдельные орнаменты выдержаны в китайском стиле.

Ситцевая комната, стены в ней задрапированы тончайшим ситцем.

Голубая комната исполнена в голубых тонах. К сожалению, со временем ситец и шелк почти выпцвели, цвета сохранились лишь местами.

Перед самой оккупацией местный любитель-краевед каким-то чудом уговорил командование НКВД, а именно оно отвечало за подрыв всего, что не должно было достаться врагу, не взрывать дворец, а по приходе немцев сразу же предложил им свои услуги, заручившись при этом своеобразной охранной грамотой от разграбления. Отдельные экспонаты дворца, которые брались в аренду или какое-то временное пользование, неукоснительно возвращались. Хотя часть все же была увезена. И таким же непостижимым образом снова уговорил, убедил уже отсутствующих гитлеровцев не взрывать этот шедевр. Только благодаря его энтузиазму дворец сохранился практически в первоначальном виде. Кто знает, может, эти вывезенные ценности были своеобразной платой за сохранение всего остального? Как бы там ни было, но за свой культурный патриотизм после освобождения директор-краевед был «награжден» по-нашему: увы, получил десятку в сталинских лагерях по стандартному в те времена обвинению — «за сотрудничество с оккупационными властями».

«А если бы взорвали? Где бы тогда разместили на ночлег участника знаменитой конференции колоритного нашего Уинстона?» — Мне подумалось, что сегодня такого энтузиаста наверняка назначили бы Верховным комиссаром ООН по культуре.

— В наши дни аналогичный поступок запросто потянул бы на пост директора ЮНЕСКО, — подтвердил вслух мои мысли Юсуф.

— Мы находимся в оранжерее. Вот это дерево было посажено со дня основания и, как видите, растет до сих пор. Шпингалеты и запорные устройства на так называемых французских окнах — до самого пола — сохранились до наших дней.

На этом осмотр и наша экскурсия заканчиваются. Здесь вы можете сфотографироваться и выйти в парк, на террасы и дальше в город. Приятного вам отдыха.

Юсуф попрощался также вежливо и скороговоркой, какой вел свой рассказ. Слушая его, я думал, что надо очень любить и свою работу, и этот архитектурно-парковый ансамбль-памятник, чтобы не иссякало желание рассказывать о нем снова и снова и по многу раз подряд.

Многочисленные ступеньки-лестницы вели к морю, но нам оно пока было без надобности. Через террасы мы прошли по парку, мимо кипарисов и огромных вековых сосен, по дорожкам, посыпанным разноцветной крошкой.

Выйдя из парка к еще одной небольшой площади, мы оказались лицом к лицу с мраморным постаментом, из которого словно выросал бюст Героя. Он был узнаваем.

Летчик-ас, дважды Герой Советского Союза — Амет-Хан Султан. Сажень в плечах, в орденах грудь. По тогдашнему правилу обладателям Звезды Героя на родине еще при жизни ставили памятник. Вот он, значит, какой — легендарный ас, почетный летчик Франции, славный сын своего народа, попавшего под сталинско-бериевский пресс. Красив памятник, красив Герой.

Чуть поодаль небольшой открытый павильон предлагал вина на рóзлив.

Отхлебнув массандровского портвейна, я почувствовал вкус необычный и приятный. И, невзирая на слова Владимира, что вино поддельное, я заказал следом за ним второй стакан. Поддельное вино оказалось на редкость вкусным. Слушая отчаянные заверения Владимира о том, что вино самое что ни на есть разбавленное, я представил, каким же тогда оно окажется непосредственно в самой Массандре, винзавод в которой в нашем маршруте на сегодня был обязательным пунктом, с запланированной покупкой тамошних вин. И представил, как смакую уже «настоящее».

Алупка — город-дворик. Много-много двориков с закоулками, задворками и каменными, очень узкими и тесными, улочками-коридорами с высокими стенами. «Неуловимые» здесь были бы пойманы в два счета.

Старинные, старые, поновее дома и домишки надвигались, наползали друг на друга — сверху на нижние, а нижние на коридоры-улицы, отбирая у них и без того небольшое свободное пространство. От тесноты, а может от неизбывной любви, домики жались друг к другу, стараясь слиться в одно целое и неразрывное. Многочисленные калитки, решетки, узкие лестницы-дорожки. Следы запустения местами. Вход в парк — полуразрушенная лестница, остатки такой же арки, почти развалившиеся гипсовые чаши-клумбы. Уныло торчали искривленные, как наколотые на копыта змеи, арматурные прутья — остатки скелета когда-то живого организма.

Сто лет назад приезжающие гости могли видеть этот город другим. Куинджи, Шишкин, Суриков — это только из известных. Было где разыграться их воображению. Это место словно создано для того, чтобы запечатлеться на их полотнах.

Небольшой и компактный, сжатый в комок, городок медленно сползал к морю. Сползал безропотно, с какой-то грустной обреченностью. И только реки, берущие свое начало вверху в горах, одетые в бетонные короба, журча под асфальтом, нетерпеливо, как будто наперегонки между собой, бойко сбегали шумными потоками в море. Им была непонятна покорность движимой недвижимости над ними.

Море сердито встретило нештатных гостей. В отличие от солнца, оно было не очень приветливым. Огромные волны, разбиваясь о бетонные глыбы, старались из всех сил непременно достать меня и окатить чуть ли не с головой.

На остатках какого-то фундамента, нависшего над берегом бетонным мысом, не вняв предостережениям Владимира быть осторожней, я поддался водной стихии. Обрадовавшись, волны Черного моря облизали не только мои сапоги, но и омыли мои джинсы — почти до пояса, отдельными яростными брызгами освежив мне лицо. Морю вторили чайки, они были с ним заодно: «У-я-а-а, у-я-а-а» — «Ку-д-а-а, ку-д-а-а, еще ра-а-но, ра-а-но!»

И все та же сонливость и малолюдность — мертвый сезон.

ЯЛТИНСКИЙ ДОЖДЬ, ИЛИ ДЕГУСТАЦИЯ В МАССАНДРЕ

Оставляя позади живописные домики и дворики, я увозил из Алупки соленые капли на лице, сладкий вкус «Бастардо» на губах и аромат настоящего кофе потурецки. Его мы испили перед самым отъездом в совсем крошечной кофейнюшке. Уже в дороге стал накрапывать дождь, смывая следы пребывания новоиспеченных обожателей местных красот.

В памяти остается просторный низкий подоконник с подушками-тюфяками вместо столиков и двумя барменами-хозяевами, супружеской четой.

— Вы единственные за сегодня посетители, — печально посетовали владельцы мини-кофейни. — В это время почти никого.

После блиц-опроса Владимира мы узнали от хозяев заведения, что кофейня выкуплена, причем недорого, еще при прежней власти, но дохода приносит мало. Курортный сезон недолог. И вообще здесь почти вся недвижимость приватизирована. Успели до воссоединения. И вовремя, потому что цены взлетели до недосягаемых высот...

Весь путь до Ялты по старой дороге занял сорок минут. Вместо солнца нас встретил мелкий моросящий дождь. Прощальная прогулка по набережной, осмотр городских кварталов — и мы готовы к историческому событию: дегустации массандровских вин. Слева от набережной за шикарным особняком (гостиница «Крым»), в глубине ялтинских улиц поверху висит растяжка между домами с надписью «Старый Амстердам». Я пробую угадать: отель в европейском стиле?

Для полного погружения в голландский городской ландшафт не хватает канала с какой-нибудь экзотической баржей. На эту роль вполне подошла бы река Быстрая, упакованная в бетонный желоб по всей длине городского бульвара. Она стремительно неслась в направлении моря, чтобы поскорее освободиться от плена и броситься в свободное плавание.

Квартал, где висит растяжка, и впрямь напоминает голландскую столицу. Невысокие дома, покатые крыши, а последние этажи — это мансарды, как будто квартиры.

Я умышленно не подхожу близко. Я боюсь, что мое предположение обернется обыкновенным гастрономом.

Дождь не отпускает нас до самой Массандры. Остановка в аккурат возле винзавода — в пяти метрах от входа. Мимо не пройти, не проехать. С экскурсией на завод не попадаем, ушла группа. Нам предлагают пройти в соседний бар-дегустаторскую.

— Ну вот сейчас мы и сравним, сейчас мы попробуем настоящих, а главное — неразбавленных знаменитых портвейнов. — Владимир сиял от возможности наконец-то продемонстрировать свою правоту по поводу разницы в напитках: насколько далеки они в пунктах розничной продажи от этих, из первоисточника.

Я думаю, что со стороны мы были похожи на раджу из детского мультика «Золотая Антилопа»: «Сейчас мы сравним твои монетки с моими, сейчас сравним, сейчас сравним...»

На стойке бара большие графины с названиями вин. Пробы по двадцать грамм. Каждую пробу запиваем водой.

— Чтобы вкус предыдущей пробы не перебивал следующую, — объясняет барменша, процедуру дегустации она соблюдает безукоризненно. — И начинайте по нарастающей.

О' кей, начинаем! Пока что нарастает наше нетерпение познакомиться с шедеврами здешнего винного производства.

— Сухое красное «Алушта». Выводит радионуклиды. Путин очень любит.

Ну конечно, с него!

— За основателя!

— За князя Голицына!

Запиваем двадцатку вина такой же дозой воды и тычем в следующий графин.

Тут мы берем паузу, мы в растерянности: чем продолжить — знаменитым красным «Бастардо» или черным «Мускатом»? Какому цвету отдать предпочтение?

С портвейном «Бастардо» мы познакомились в Алушке, и Владимир настаивал теперь сравнить, и искушение было велико. А черный «Мускат» нам был рекомендован барменшой как один из самых изысканных.

Видя нашу растерянность, барменша быстро переключает нас на красный портвейн «Ливадия». С фляжкой этого вина не расставался другой российский руководитель — Николай Второй.

Комментарии помогают, мы определяемся — «Ливадия». После него, само собой, были и «Мускат», и «Бастардо».

Черт возьми, они все хороши! Через десять минут по телу разлилось приятное тепло. Все тело размякло и не желало никуда идти. Потянуло в сон.

После пятой пробы какого-то розового в голове прояснилось, сон сняло как рукой гипнотизера.

Еще разок поглядываем на черный «Мускат»:

— А по последней!

— И еще по одной!

Изысканней не пивал, не вру. Владимир свидетель.

Познакомившись с несколькими видами портвейна и сожалея, что не со всеми, мы благодарим винно-хлебосольную барменшу и переходим в зал продаж. Коллекционные изделия в диапазоне от трех тысяч до ста тридцати и выше выбраковываем сразу. После дегустации мы совместно с Владимиром еще больше убеждаемся в истинности принципа «лучшее — враг хорошего», а потому резонно (насколько это возможно после ста пятидесяти граммов принятого) выбираем уже знакомое и испробованное.

Дождь почти перестал, плевался отдельными каплями на наши носы, головы и плечи. Мы лениво стряхивали их головами, не имея возможности сделать это рукой.

От свежего воздуха ясность в голове проступила еще отчетливей, до автовокзала Ялты доехали за десять минут. Наполненные счастьем, чуть мокрые от январского дождичка, с коробками продукции винного завода «Массандра» во всех четырех руках, мы покидаем Ялту, которую называют русской Ниццей. Но это еще надо проверить, а потом сравнить с настоящей.

ОТЪЕЗД

А что же наследство? В архиве Джанкойского суда мы получили судебное решение, вынесенное именем Украины, по которому квартира родителей Владимира была признана за племянницей его матери. Но поскольку отец Владимира пережил свою жену, то и последним наследником был он, а после него в первую очередь к наследству должен быть призван Владимир, и никак иначе.

Древние римские юристы подпрыгнули бы в своих гробницах, узнав, как примитивно, а главное беззастенчиво, была «усовершенствована» придуманная ими стройная, математически выверенная юридическая система, изучаемая сегодня в юридических вузах под названием «Римское частное право». Это было «новое» слово в системе наследования — берите, кто хочет; отдам тому, кто рядом.

Я подготовил жалобу, и теперь предстоит дополнительная судебная тяжба. Мне же надо было лететь обратно, у меня назначены дела, таких Владимиров у меня было еще несколько. Одна задача не должна исключать другие.

И потому Владимир по-военному рапортует:

— Я вот что подумал — надо ведь жалобу поддержать в Верховном суде. В Симферополе. А значит, я остаюсь. Так что — Крым принял. Я будто заново встретился со своей родиной. Хотя и ранят душу воспоминания — каждый город, каждое место, где были, навевают мне мысли о прошлом.

«А прошлое, похоже, было не очень веселое», — глядя на Владимира, думаю я и так же отвечаю:

— Ну что ж, тогда — Крым сдал.

Рейс в Москву задерживался на сорок минут. От нечего делать я пошел слоняться по аэровокзалу, мне нужен был WI-FI. В интернет-кафе было пусто. Я быстро нашел нужную мне ссылку. Как оказалось, «Старый Амстердам» в Ялте — это супермаркет сыров. Их там много, всяких и разных, как портвейнов в «Массандре». Надеюсь, такого же отменного качества.

В ожидании вылета достаю «Записную книгу моих историй». На первой странице большими буквами пишу заголовок. И тут же, пока свежи еще впечатления, вывожу первые строки: «Наш самолет приземлился...». Все, что увидел и попробовал, передаю симпатичному, маленькому — с ладонь — блокноту с листами в клетку. Я ему полностью доверяю. Постараюсь написать честно и интересно. Я давно болен той самой болезнью, которую доктор Чехов назвал «желанием писать», а «умение писать», согласно ему же, — есть лекарство от этой болезни. Я обязательно должен вылечиться.

Рейс отложили еще на двадцать минут, итого — в Москву я прилетел с часовым опозданием. Но на свой рейс в Хабаровск я успел. Чего нельзя было сказать про багаж. Багаж — коробка с настоящим, неразбавленным винным продуктом, полетел домой следующим рейсом...

